

Владимир Яковлевич Железнов

1869 (село Одоевское, Ветлужского уезда, Костромской губернии) -1933 гг. (г. Москва)

Российский экономист, педагог и общественный деятель, профессор.

Железнов, Владимир Яковлевич, выдающийся экономист, профессор московского сельскохозяйственного института, родился в 1869 году; по окончании киевского университета, был в 1892 году оставлен для приготовления к профессорскому званию, а с 1896 года начал, в качестве приват-доцента, читать лекции по статистике. В 1898-9 гг. Железнов дебютировал рядом публичных лекций по теории экономической науки, легших в основание его труда – «Очерки политической экономии», которые имели необычайный успех и до сих пор пользуются неизменными симпатиями широких кругов стремящихся к самообразованию читателей. По возвращении из заграничной командировки, Железнов приступил к чтению общего курса политической экономии в университете и к печатанию своей магистерской диссертации – «Главные направления в разработке теории заработной платы» (Киев, 1904г.). Лекторский талант, живая любовь к излагаемому предмету, умение учесть в строго научной форме запросы текущего момента – сразу подняли преподавание политической экономии в Киевском университете на большую высоту, обеспечили Железнову обширную аудиторию, которая, в организованных преподавателем практических занятиях, обнаружила и недюжинную самостоятельность. Этой блестящей педагогической работе суждено было по «независящим обстоятельствам», оборваться: после защиты диссертации в Москве в 1905 году, Железнов, единогласно избранный юридическим факультетом в Киевском Университете, в профессора, был забаллотирован в совете и уехал в Москву. Большую роль в этом деле сыграло то живое участие, которое принимал Железнов в пробуждающемся общественном движении. Преподавательская деятельность Железнова в Москве не ограничилась одним сельскохозяйственным институтом: он известен и Коммерческому институту и Университету Шаняевского. Годы реакции заставили Железнова сосредоточиться преимущественно на академической работе; но связи с непосредственной общественной жизнью он не терял: свою энергию и знание он посвятил кооперативному движению. Им (с профессором Анциферовым) был составлен первый проект «Московского Народного Банка», председателем ревизионного комитета которого Железнов и ныне состоит. В последнее время Железнов (вместе с профессором Мануйловым) задумал обширный коллективный труд – «История экономической мысли», за издание которого взялся Московский Научный Институт. – Широкой популярности Железнова способствовали, главным образом, его «Очерки», где он сумел с живым, доступным изложением сочетать строгую научность. Если не все стороны экономической жизни нашли в «Очерках» надлежащее освещение, то они были и остаются лучшим популярным трактатом по одной из самых важных проблем – рабочему вопросу...Что касается содержания его общественно-экономических воззрений, то главные элементы учения Маркса составляют прочный фундамент мирозерцания Железнова, но он живо откликается и на другие течения экономической мысли. Очевидно, Железнов ищет новых путей в науке, которые позволили бы синтезировать все ценные приобретения прошлого и настоящего.

*М.Бернацкий**

** Текст статьи «Железнов» и фотопортрет см. Энциклопедический словарь бр.Гранат, 7 издание, т. 20*

В. Я. ЖЕЛЪЗНОВЪ.

ОЧЕРКИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

7-е изданіе, значительно переработанное и дополненное.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва. — 1912.

В.Я.Железнов

ОЧЕРКИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

(текст 7-го издания в современной орфографии)

КАЗАНЬ

2019 г.

Предваряя чтение лекций, структурно составляющих содержание «Очерков», просим читателей обратить внимание на следующие особенности оригинального текста и его электронной версии:

а) текст электронной версии «Очерков» является практически аутентичным воспроизведением в современной орфографии текста их 7-го печатного издания 1912 года; читатель легко может в этом убедиться сравнив электронный текст с оригиналом, ориентируясь при этом на отмеченные знаками [x] фрагменты, соответствующие страницам оригинального печатного издания;

б) при подготовки электронной версии составителю не удалось избежать необходимости графического оформления некоторых статистических выкладок автора в виде таблиц, а также более рационального размещения многообразных примечаний в виде общего списка, приводимого в конце каждой лекции. Для перехода в этот список, читателю достаточно «кликнуть» в тексте надстрочный номерной знак примечания;

в) лексикон/словарь оригинала (и соответственно его электронной версии) содержит слова, термины и речевые обороты, непривычные глазу и слуху современного читателя: *удобообозримость, вынуждаться, народо-хозяйственный, «эвклидовский»* и т.д и т.п. Все они зеркально воспроизведены в современной орфографии, их осмысление, на наш взгляд, не требует чрезмерного напряжения и каких-либо специальных примечаний или разъяснений;

г) автор «Очерков», В.Я.Железнов практически владел тремя европейскими языками (немецкий, французский, английский) и, судя по всему, ожидал (по умолчанию) их понимания от аудитории, чем объясняется отсутствие переводов на русский язык, некоторых (немногих) цитируемых фрагментов. Учитывая существенно возросшие возможности современных читателей, составитель, оставил эту особенность оригинального текста «Очерков» без изменений;

д) признавая возможность грамматических и орфографических ошибок, составитель, надеется на доброжелательность читателей и просит направлять соответствующие замечания на адрес: economist1967@gmail.com

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

Настоящие «Очерки представляют собой исправленное и значительно дополненное издание литографированного курса публичных лекций, читанных автором в 1898 -1899 академическом году в Киеве. Главные выводы остаются те же, какие были высказаны два года тому назад; не изменен и общий план работы. Прибавлены лишь некоторые фактические подробности и более полно развиты теоретические положения, обстоятельному выяснению которых мешала ограниченность времени, бывшего в распоряжении автора при чтении лекций. Автор заботился о простоте и общедоступности изложения, стараясь, однако, не жертвовать при этом серьезностью мысли.

Берлин, 23/ 10 февраля 1901 г.

В.Ж.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К СЕДЬМОМУ ИЗДАНИЮ.

В предлагаемом издании «Очерки» значительно переработаны. За десять лет, истекших после подготовки к печати первого издания, многое изменилось. Самым крупным явлением в движении экономической мысли за последние годы был теперь уже вполне отчетливо наметившийся поворот к чисто теоретической работе, целью которой все более и более становится синтез основных положений, установленных классической школой и ее продолжателями и школой предельной полезности.

Цель эта пока далеко не достигнута, но связанное с ней пробуждение интереса к основным проблемам теоретической экономики, успело уже благотворно сказаться на разработке ряда частных вопросов. В настоящем издании «Очерков» автор считал необходимым поэтому остановиться с большей подробностью на выяснении теоретических основ политической экономики, поскольку это было возможно в кратком курсе, назначенном для начинающих. Особенное внимание было уделено при этом разграничению трех главных кругов меновых отношений – свободной конкуренции, частной монополии и установлению цен общественной властью, и указанию связи между центральной проблемой теоретической экономики – ценности и цены – с другими вопросами – распределения, денежного и кредитного обращения и т.д.

Помимо этой главной задачи, автор воспользовался представившейся ему возможностью более обстоятельной переработки «Очерков» и для дополнения некоторых отделов, изложенных в предыдущих изданиях слишком кратко. Особенно расширена лекция о деньгах и кредите, но многое прибавлено, а отчасти подробнее развито и в других лекциях.

План книги подвергся незначительным изменениям. Вопрос об естественных условиях экономической деятельности выделен из учения о производстве и вместе с вопросом о социальной среде хозяйства составил содержание особой лекции «Естественная и социальная среда человеческого хозяйства». Лекция о капитале и формах хозяйственных предприятий разделена на две лекции. Вопрос о промышленных кризисах перенесен из лекции о торговле в конец книги (как было в первоначальном литографированном издании). Отдельные ранее лекции о рабочих союзах и формах коллективного договора слиты в одну и помещены после лекции о рабочем законодательстве.

В.Ж.

Кисловодск, 18 августа 1911 г

ВВЕДЕНИЕ

Лекция первая

Понятие политической экономии. – Человеческие потребности и хозяйственные блага. - Хозяйственная деятельность. – Техника и экономика. – Ценность хозяйственных благ. – Индивидуальная экономика и политическая экономия. – Ступени хозяйственного развития человеческих обществ. – Схема Бюхера. - Степень замкнутого домашнего хозяйства. - Городское ремесленное хозяйство. -Переход к современному капиталистическому хозяйству. -Система развитого капитализма.

Приступая к изложению публичного курса, я считаю необходимым прежде всего остановить ваше внимание на вопросе о предмете, подлежащем исследованию политической экономии. Ведь научная работа, выясняющая разнообразные явления мировой жизни, должна быть для успеха дела строго распределена между отдельными отраслями знания, из которых каждая может быть полным хозяином лишь в ограниченной сфере, лишь в точно отмежеванных ей пределах исследования. Каковы же пределы, которые по праву могут быть отведены политической экономии?

Существенной чертой человеческой жизни и деятельности является зависимость от материального мира. Что бы человек не предпринимал, за какое бы дело ни брался, он всегда встретится с вопросом [2] о материальных средствах, необходимых ему для осуществления поставленных целей. Представим себе людей, оторвавшихся от старых, насиженных дедовских гнезд и желающих устроить себе жизнь по-новому в местах, еще не тронутых человеком, например, эмигрантов, переселяющихся в какую-нибудь новую колонию. Проследивая первые шаги их деятельности в новой обстановке, мы увидим, что при всех целях, какие они будут себе ставить, они всегда натолкнутся на вопрос о материальных средствах для осуществления этих целей. Чтобы удовлетворить своим первым и необходимейшим потребностям в пище, жилище и одежде, они займутся возделыванием почвы, рубкой леса сооружением построек, разведением скота, прядением льна и шерсти, тканьем и т.д. Но и для удовлетворения дальнейших, более высоких потребностей – образовательных, религиозных, эстетических, - им также придется затратить известное (и часто весьма значительное) количество усилий для создания тех материальных средств, при помощи которых только и могут быть удовлетворены эти высшие потребности. Понадобится выстроить церковь, школу, затратить известное количество труда, чтобы

получить средства на содержание священника и учителя, все время которых будет занято возлагаемыми на них культурными задачами, и т.д. Также происходит и в окружающей нас повседневной действительности: создание университета, постройка храма, постройка памятника великому человеку требуют не только зрелой мысли, художественного творчества, религиозного порыва, но и известного [3] количества материальных средств. Всегда и всюду, как бы возвышенны ни были потребности и цели человека, какими бы далекими от материальной обстановки жизни они ни казались, для них необходимы в последнем счете и материальные средства. Но материальные средства, с точки зрения удовлетворения потребностей человека, имеют далеко не одинаковое значение. В его глазах весь этот пестрый и многообразный мир вещей делится на две крупные категории: одна часть дана ему природой в таком количестве и такой форме, что пользование ими оказывается для него доступным всюду, во всякое время и в мере его потребностей и потому не требует с его стороны никаких усилий и жертвований: таковы воздух, солнечный свет, вода и т.д. Это - свободные или даровые блага. Как ни важны, как ни необходимы они вообще для человеческой жизни, пока пользование ими находится в указанных условиях, т.е. остается свободным и даровым, они не входят для человека в круг, очерчиваемый его интересами, заботами и расчетами. Напротив, другая часть материальных благ, также необходимая для удовлетворения человеческих потребностей, имеется или вообще в очень ограниченном количестве (разного рода «редкости»), или может допускать завладение ими, или, наконец, хотя и может быть получена в достаточном количестве для удовлетворения человеческих потребностей, но только при условии затраты некоторых усилий, направленных на добычу их, т.е. извлечение из мира природы и при посредстве их к данным потребностям. Эта вторая часть материальных средств, [4] т.е. тех, которые или вообще редки, или доступ к которым ограничен, или добывание которых сопряжено с известными усилиями или жертвованиями и образует то, что называют, в отличие от первых, хозяйственными благами. Они одни интересуют и практического хозяйственного деятеля и экономиста-теоретика. Ведь утрата хотя бы незначительной конкретной доли этих благ составляет уже потерю, чувствуется как ущерб, возмещение которого требует новых усилий, новых затрат, новых жертвований. В глазах хозяйственного субъекта они приобретают поэтому особое значение, он живо чувствует, что от них зависит его хозяйственное благосостояние, что они для него ценны. Это признание за хозяйственными благами особого

значения, признание ценности влечет за собой, как необходимое следствие, и особое отношение к ним хозяйствующего субъекта. Он вынужден обращаться с ними бережно, или, как говорят обыкновенно, экономно, т.е. они становятся объектом определенных психологических стремлений и определенной деятельности. Деятельность эта необходимо должна быть целесообразной, основываться на известном расчете, иначе говоря, быть хозяйственной деятельностью.

Но целесообразность хозяйственной деятельности – двоякого рода: с одной стороны, это целесообразность техническая, заключающаяся в возможно более совершенных и рациональных приемах, имеющих целью извлечение из мира окружающей человека природы необходимых ему предметов и [5] приспособление их к его потребностям. Эта сторона человеческого хозяйства – преобразование предметов природы наиболее совершенными способами физического воздействия одних сил на другие – часто прежде всего обращает на себя внимание наблюдателя. Вы видите как земледелец разрыхляет землю, сеет зерно, собирает жатву; портной режет сукно, сшивает его, разглаживает; рабочий на фабрике регулирует ход машины, изготавливающей пряжу или ткань; во всех этих случаях вы наблюдаете развитие определенных технических процессов, применение которых открывает людям возможность фактически осуществлять свою власть над природой. Но эта техническая сторона дела, которая сама по себе представляется чрезвычайно сложной и изучается разнообразными техническими науками, даже целыми системами таких наук, не составляет предмета непосредственного изучения и непосредственного интереса для экономиста. Наряду с техническими расчетами физических сил и элементов, в хозяйственной деятельности необходимо выступает и расчет человеческих сил, человеческой выгоды, выражаемый в наиболее общей форме в виде соотношения затраты и получки, пожертвования и удовлетворения. Иначе говоря, хозяйственную деятельность проникает собою «экономический принцип», «принцип хозяйственности», согласно которому хозяйствующий субъект стремится получить с наименьшими усилиями, затратами и жертвованиями возможно большие результаты, т.е. возможно большее удовлетворение потребностей. [6]

Чувства бережности и расчета, с которыми человек обращается с хозяйственными благами, в известной степени напоминают собой его чувства более высокого порядка, проявляющиеся в его отношениях к близким людям, моральным благам и т.п. Но они имеют и своеобразную черту, специфически свойственную им и вытекающую из особой природы хозяйственных ценностей, – черту, резко отграничивающую их от чувств

высшего порядка. Утрата хозяйственных благ не представляет для человека по существу невознаградимой потери. Он знает, что одно хозяйственное благо может быть заменено другим хозяйственным благом равной ценности, эквивалентом. В отличие от ценностей высшего порядка (любовь, дружба, великое произведение искусства) ценность хозяйственного блага не обладает свойствами индивидуальности, бесконечности, незаменимости; ценности хозяйственных благ самого различного рода легко могут быть сравнимы друг с другом и измеримы путем приравнивания к какому-нибудь третьему хозяйственному благому, принятому за меру. Поэтому уже на довольно ранних ступенях развития экономических отношений появляется и всеобщее мерило ценностей хозяйственных благ – деньги. Отсюда политическая экономия, в отличие от наук, имеющих дело с индивидуальными, несравнимыми, бесконечными ценностями (богословие, этика и т.п.), имеет своим объектом измеримые величины и может оперировать мерой и счетом, т.е. до известной степени приблизиться к наукам, изучающим явления внешней природы. Пределами, в которые заключены хозяйственные блага, представляются, [7] таким образом, с одной стороны, блага даровые, свободные дары природы; приближаясь к этому пределу, хозяйственные блага все более и более уменьшаются в ценности, пока не утрачивают её вполне; с другой стороны – высшие культурные блага, приближаясь к которым, хозяйственные блага все растут в ценности, пока ценность их не достигнет бесконечных размеров, станет индивидуальной и ни с чем не сравнимой. Между бесконечным равнодушием к изобилию свободных даров природы и бесконечной любовью к благам высшего порядка и движется этот ограниченный, конечный, «эвклидовский» мир хозяйственных благ.

И все-таки, зная, что политическая экономия имеет дело с хозяйственными благами и особенным отношением людей к этим благам, мы далеко ещё не определили ее содержания. Конечно, логически можно представить себе хозяйственную деятельность изолированного субъекта, Робинзона, по отношению к которому имели бы силу все отмеченные выше моменты. Но наука, изучающая хозяйство Робинзона, не была бы политической экономией. Нельзя назвать политической экономией и науку, которая поставила бы своей задачей изучение единичного хозяйства и в исторически-действительной хозяйственной жизни. Это была бы лишь и н-

д и в и д у а л ь н а я э к о н о м и к а. И какими бы важными для политической экономии мы ни считали индивидуально-экономические исследования, они всегда останутся для неё лишь вспомогательными средствами, предварительной ступенью. Политическая экономия есть наука о б щ е с т в е н н а я; она изучает не хозяйство отдельного человека или [8] отдельных лиц, взятых изолированно, вне всякой связи друг с другом, а те

о б щ е с т в е н н ы е отношения, которые возникают между людьми при их хозяйственной деятельности, т.е. при удовлетворении их потребностей материальными средствами. В этих отношениях политическая экономия находит свой особый, исключительно ей принадлежащий предмет исследования, - область, в которой она является единственным и полным хозяином, и куда она приносит, как необходимый и ценный материал для ее особой работы, данные и выводы, в изобилии даваемые ей смежными, вспомогательными областями знания, от естествоведения и технологии до психологии, социологии и этики. И эта особая область, которую отмежевывает себе политическая экономия, представляется все еще весьма обширной, полной многообразных явлений, часто незаметных на первый взгляд, но поражающих своей значительностью при более глубоком рассмотрении. Представьте себе такой случай.

Вы уезжаете на лето в деревню. Гуляя по обширным полям, окружающим вашу деревню, вы замечаете на знакомом фоне сельского пейзажа фигуру крестьянина, медленно проводящего сохой борозду. В этой фигуре все так гармонирует с общим сереньким тоном русской деревенской природы, что вы, пожалуй, прошли бы мимо, не остановив внимания на этой отдельной части общей картины. Но вас интересуют экономические вопросы, вы подходите к крестьянину и заводите с ним разговор. Вы узнаете прежде всего, что он тогда-то начал обработку поля, что он предполагает ее кончить в такое-то время, что в такой-то срок [9] нужно будет посеять такое-то количество зерна, которое к осени даст ему столько-то пудов нового хлеба. Далее он расскажет вам о способах своей работы, объяснит составные части употребляемых им орудий, укажет их назначение и т.д. Но, собрав самые подробные сведения по всем этим вопросам, вы узнаете еще очень мало о действительных хозяйственных условиях существования нашего крестьянина. Для этой цели вы должны будете продолжить ваши расспросы и те ответы, которые вы на них получите, быть может, покажутся вам более поразительными, более наводящими на размышление, чем предыдущие. Вы узнаете, например, что крестьянин обрабатывает не свою землю, а соседнего помещика. Здесь перед вами раскрывается уже социальное отношение. Вы увидите, что урожай, допустим в 40 пудов с данного участка, должен быть поделен между крестьянином и помещиком поровну. Иначе говоря, борьба с природой дала нашему крестьянину результат в виде 40 пудов хлеба, а социальные отношения оставляют ему из них только 20. Далее вы узнаете, что в истекшем хозяйственном году крестьянин проел весь свой хлеб, и ему пришлось занять для посева 10 пудов семян, за что кредитор требует после сбора жатвы дать ему лишний пуд семян; наконец обнаружится, что, как член обширного государственного союза, крестьянин вынужден будет отдать

известную долю из собранного им хлеба в виде налогов и вообще всякого рода обязательных сборов, идущих на покрытие расходов государства, земства и сельского общества. [10]

Только узнав все эти условия, вы будете в состоянии отдать себе правильный отчет о действительном положении крестьянина.

Итак, политическая экономия имеет предметом своего исследования общественные отношения людей, возникающие на почве их хозяйственной деятельности, т.е. усилий, направленных на удовлетворение разного рода потребностей материальными средствами.

Чтобы лучше ориентироваться в основном характере социальных отношений, возникающих в хозяйственной деятельности человеческих обществ, нам необходимо наблюдать их не у одного какого-нибудь народа и не в одну какую-либо эпоху, а охватить все относящиеся сюда явления в процессе их исторического движения; иначе говоря, нам необходимо уяснить себе эти отношения, как нечто изменчивое, формирующееся, проходящее определенные фазы развития. Уловить простейшие, наиболее типические черты главных форм хозяйственных отношений среди бесконечного разнообразия исторической жизни – задача чрезвычайно трудная. Но так как преобразование существенных сторон хозяйственного строя совершалось всюду весьма медленно, нарастая веками, иногда тысячелетиями, то создается возможность уложить все это многообразие в довольно простую и несложную схему. Подобных схем в экономической литературе было предложено довольно много; наиболее удачной из них, по простоте и ясности очертаний и по глубине захвата сущности хозяйственных процессов представляется нам известная схема Бюхера⁽¹⁾. [11]

Точка зрения, с которой, по мнению Б ю х е р а, лучше всего можно выделить основные типы хозяйственной организации, дается самой сущностью процесса экономической деятельности. Приглядываясь к этому процессу, мы найдем, что он совершается между двумя крайними полюсами – производством и потреблением. Люди с о з д а ю т материальные средства и с помощью их у д о в л е т в о р я ю т свои потребности, п о т р е б л я я эти средства, - такова сущность человеческого хозяйства. Очевидно, что между указанными конечными моментами должно лежать известное расстояние. Этим расстоянием, т.-е. характером связи, устанавливающейся в данном обществе между производством и потреблением, и объясняются, по мнению Б ю х е р а, существенные различия в строе человеческого хозяйства в различные периоды его исторического развития.

Основываясь на указанном принципе, Б ю х е р предлагает классификацию общественного хозяйства по трем существенным формам, сменявшим друг друга в историческом процессе: 1) с т у п е н ь з а м к н у т о

го домашнего хозяйства (хозяйство без обмена), на которой блага потребляются в том же самом хозяйстве, в котором они произведены; 2) с т у п е н ь г о р о д с к о г о х о з я й с т в а (непосредственный обмен), на которой блага переходят непосредственно из производящего хозяйства в потребляющее; 3) с т у п е н ь н а р о д н о г о х о з я й с т в а (товарный обмен), на которой блага обыкновенно проходят через целый ряд хозяйств, прежде чем поступят к потреблению. [12]

Указанная схема представляет наибольшие удобства еще и потому, что в ней укладываются и различия во взаимных отношениях между лицами, участвующими в хозяйственной деятельности.

Ступень замкнутого домашнего хозяйства характеризуется системой р а б с т в а и к р е п о с т н и ч е с т в а; ступень городского хозяйства – системой свободной экономической деятельности м е л к и х с а м о с т о я т е л ь н ы х р е м е с л е н н и к о в; ступень народного хозяйства – системой крупного производства, основанной на сосредоточении средств производства в руках крупных к а п и т а л и с т о в и на свободном юридически труде н а е м н ы х р а б о ч и х.

Если оставить в стороне наиболее ранние и наименее известные формы человеческого существования, то можно начать обозрение последовательного развития хозяйственной деятельности с образования замкнутого домашнего хозяйства большой патриархальной (или матриархальной) семьи. Такая форма экономических отношений существовала, как господствующий тип, в течение весьма долгого времени и до сих пор не окончательно еще вытеснена новейшим хозяйственным развитием даже из жизни европейских народов.

Первобытная семейная группа, основанная вначале на господстве и руководительстве матери (матриархат), затем – отца (патриархальная семья), составляла основную хозяйственную единицу и вместе с тем вообще отграничивала собой круг хозяйственных отношений.

Экономическая деятельность того времени почти целиком сосредоточивалась в пределах такой [13] замкнутой группы. Между производством и потреблением продуктов не было никаких промежуточных ступеней: семья сама производила все необходимое для ее членов и все потребляла. Производительное и потребительное (домашнее) хозяйства при таком порядке совершенно не отделяются друг от друга, образуя неразрывную цепь объединенных процессов. Обмен между отдельными хозяйствами вначале совсем неизвестен, но и впоследствии, когда он мало-помалу начинает возникать, он имеет лишь случайный характер, почти не затрагивая главных оснований хозяйственной деятельности самостоятельных семей. Обмениваются излишками – и то чрезвычайно редко - с трудом

определяют сравнительную ценность обмениваемых предметов, потому что самого мерила ценности, в его наиболее точной форме – металлической монеты – еще не существует. Меновая сделка представляется каким-то крайне сложным и опасным делом, приступая к которому надо непременно предполагать возможность обмана со стороны других лиц, вступающих в сделку. Поэтому совершение акта обмена ставится под особую защиту закона, требующего присутствия свидетелей, произнесения торжественных символических формул и т.д. Естественно, что при выполнении главных хозяйственных задач того времени целиком силами замкнутой семьи, процесс разделения труда устанавливается не между отдельными семьями, а в их пределах, среди их членов. Сообразно различиям возраста, пола, индивидуальной силы и способностей, отдельные члены данной семейной [14] группы выполняли разнообразные работы; одни изготовляли орудия, другие пускали их в дело, третьи ухаживали за скотом, четвертые заботились об организации домашнего потребления и хозяйства.

Конечно, говоря о «семье», мы имеем перед собой в данном случае общественную группу, несравненно более крупную и сложную, чем семья в современных нам культурных обществах. Патриархальный семейный союз включал в себя такие элементы, которые в настоящее время совершенно обособлены. Например, из описания дворца Приама Гомером мы видим, что залу царя окружали 50 комнат, где жили его сыновья с женами и детьми. И теперь еще в Китае и Индии семьи, живущие в одном дворе, насчитывают очень часто по 16-40 человек, славянская «задруга» - 20-25 членов, и до сих пор сохраняющий еще свою изолированность альпийский крестьянский двор часто включает 12-18 лиц ⁽²⁾. Но помимо более широкого круга лиц, соединенных родственными или, лучше сказать, родовыми узами, патриархальная семья содержала в себе и чуждые по крови элементы, прикованные к ней принудительным подчинением, именно, рабов. В этом последнем условии и заключается основная причина продолжительности исторического существования строя замкнутого домашнего хозяйства. Благодаря институту рабства, ослабление родовых связей и постепенное разложение крупных [15] патриархальных семей на мелкие группы не повлекло за собой коренных перемен в характере экономической деятельности.

Вне пользования трудом рабов для более широкого выполнения хозяйственных задач открывался единственный путь: свободная кооперация отдельных семей. Мы имеем немало свидетельств о фактическом применении этого способа в случаях обширной охоты, рыбной ловли, расчистки диких лесных мест, постройки больших судов и т.п. ⁽³⁾, но главным руслом, по которому потекла экономическая жизнь всех известных нам

древних культурных обществ, было все-таки рабство. Мы не будем останавливаться здесь на причинах, вызвавших это явление и способствовавших его дальнейшему развитию; отметим лишь, что на почве рабства явилась возможность расширения сферы хозяйственной деятельности, оставаясь при прежнем строе замкнутого домашнего хозяйства.

Насколько институт рабства способствовал расширению хозяйственной деятельности отдельных семей, показывает хотя бы история древнего Рима.

В настоящее время только с большим усилием воображения мы можем представить себе всю сложность хозяйственной деятельности, развивавшейся внутри богатого рабовладельческого дома. Указывают, что существовало около полутора ста названий [16] для разнообразных функций, выполнявшихся рабами в богатых римских домах. Право собственности и беспредельного распоряжения трудом массы несвободных людей создавало гигантский механизм римского рабовладельческого домохозяйства, на фоне которого фигура римского богача выступала в грандиозных очертаниях, совершенно не соответствовавших его личным силам. Опираясь на целый штат прекрасно дисциплинированных и обученных рабов, господин владел огромным могуществом, о размерах которого мы можем судить по следующей мастерской характеристике известного нам уже ученого Б ю х е р а: «Прежде всего перед нами выступает *familia rustica*, служившая производительным целям: в каждом имении есть управляющий и его помощник со штабом надсмотрщиков и мастеров, в распоряжении которых находится большое число рабочих на полях, виноградниках, пастухов и скотников, челяди в кухне и доме, прядильщиц, ткачей и ткачих, валяльщиков, портных, плотников, столяров, рабочих производивших металлические изделия и рабочих занятых сельскохозяйственными промыслами. *Familia urbana* делится на персонал управляющий и персонал для услуг господину и госпоже как в доме, так и вне его. Эдесь прежде всего отметим заведующего имуществом с кассиром, бухгалтерами, управляющими домами, сдаваемыми внаем, закупщиками и т.п. Особый персонал несвободных чиновников и рабочих имеется на тот случай, если господин берет в аренду государственную землю или снаряжает корабли. Внутри дома [17] служат: домоправитель, привратники, сторожа для комнат и сторожа для зал, хранители мебели, хранители серебра, гардеробщики; хозяйские припасы находятся в ведении домашнего гофмейстера, ключника, смотрителя за кладовой; в кухне теснится большая толпа поваров, истопников, пекарей хлеба, пирогов, паштетов; за столом прислуживают особые слуги: обязанность одних накрывать на стол, других – накладывать кушанье, третьих – пробовать, четвертых – наливать вино; за едой гостей

увеселяет толпа красивых мальчиков, танцовщиц, карликов и шутов. Для личных услуг к господину приставлены: церемониймейстер, на обязанности которого лежит вводить гостей, различные камердинеры, купальщики, слуги для втирания мазей, слуги, обтирающие господ, домашние хирурги, врачи чуть ли не для каждой части тела, брадобрее, чтецы, домашние секретари и т.п. Для домашнего же обихода держат ученого или философа, архитектора, живописца, скульптора, музыкальную капеллу; в библиотеке занимаются переписчики, гладильщики пергамента, переплетчики; их труд под руководством библиотекаря составляет собственное домашнее производство книг. Когда господин появляется где-либо в публичном месте, перед ним шествует толпа рабов (*anteambulones*), другая толпа следует за ним (*pedisequi*); *nomenclator* называет ему имена встречаемых, которых надлежит приветствовать; собственные *distributores* и *tesserarii* распределяют в народе подачки и дают избирательный пароль... Эта система избирательного давления восполняется устройством зрелищ, [18] состязаний колесниц, борьбы зверей, игр гладиаторов; для этих зрелищ заготавливается особая группа рабов. «Человеческие силы, - заканчивает Бюхер, - растрчивались с невероятной расточительностью; в конце концов, при помощи этого тысячерукого организма замкнутого домашнего хозяйства, поддерживаемого грандиозной системой дисциплины и воспитания, личная сила рабовладельца удесятерилась, и это обстоятельство помогало кучке аристократов господствовать над полумиром».

Конечно, не следует думать будто системой замкнутого домашнего хозяйства исчерпывались тогда все хозяйственные отношения. Не только Греция и Рим, но и государства древнего Востока знали уже многие хозяйственные явления, далеко выходящие за пределы охарактеризованной нами экономической организации. Торговля и в то время совершалась уже в весьма широких размерах, а с ней все более и более вторгалась в жизнь система денежного хозяйства. Появлялись зачатки торгово-промышленного кредита; коммерческие сделки, с увеличением торгового обмена, приобретали все более свободный характер. Юридические нормы, касающиеся хозяйственного оборота, успели настолько очиститься от прежних стеснительных ограничений, что новейшие европейские юристы могли принять их за образец для регулирования меновых отношений современного нам экономического строя.

Тем не менее эта сторона хозяйственной жизни древних не развилась настолько, чтобы устранить преобладающие черты старого хозяйственного порядка, а после крушения римской государственности [19] новые народы, пришедшие на смену античным, долго еще оставались также на стадии замкнутого домашнего хозяйства ⁽⁴⁾.

Указанные черты хозяйственной организации наблюдаются и в средневековом общественном строе, основанном на крепостном труде. Барский двор, к которому тяготеют крепостные деревни, представляется характерным типом средневекового деревенского хозяйства. Здесь также все производится и потребляется в границах господства властелина, и вся экономическая деятельность группы [20] лиц, объединенных узами крепостных отношений к данному владельцу, тяготеет к единому центру, управляется единой руководящей волей. Обмен здесь также представляет второстепенное явление, и самые оброки, выполняемые крепостными, имеют форму натуральных продуктов (хлеба, шерсти, скота, меду, вина, лесного материала, ремесленных изделий – сукна, полотна, башмаков, ножей, бочек и т.п.). Такие экономические порядки наблюдались и в нашем отечестве в эпоху крепостного права. Господство натурального хозяйства, сосредоточенного вокруг барского дома, отражалось и во многих сторонах жизни, представляющих на первый взгляд лишь проявление общих психологических черт человеческой природы. Так знаменитое русское гостеприимство и хлебосољство представляет естественный продукт крепостнического хозяйственного строя, когда в руках одного человека сосредоточивается масса запасов, по преимуществу, в натуральной форме, которые трудно обратить в деньги и которые лучше всего потребить в кругу приятелей и прихлебальщиков. Самая скупость и расчетливость того времени принимала нелепую форму плюшкинской скардности, в силу которой помещик гноил огромное количество натуральных запасов в своих кладовых, не обогащаясь сам и не облегчая труда своим крепостным.

Итак, существенными чертами крепостного деревенского хозяйства было также непосредственное отношение между производством и потреблением, потребление главной массы продуктов в пределах производящей группы. Но замкнутым хозяйством [21] барщинного двора далеко не исчерпывалась средневековая экономическая жизнь. И в средние века параллельно существовали и развивались и другие хозяйственные процессы. Была довольно широко распространена торговля такими продуктами, которые нужно было привозить издалека, как, например, меха, редкие ткани, вино, пряности, оружие, разного рода металлические изделия. Но эти предметы были рассчитаны по преимуществу на спрос немногих состоятельных людей, и потому торговля ими не могла существенно затронуть основы средневековых хозяйственных отношений. Другое значение имело обособившееся от деревни и феодальной власти помещика городаское ремесленное хозяйство. Это последнее определилось в средние века настолько рельефными чертами, заняло столь важное место в средневековой хозяйственной жизни, что его можно по

справедливости рассматривать как новый, более развитой, по сравнению с замкнутым домашним хозяйством, тип хозяйственной организации. Конечно, существование свободных самостоятельных ремесленников можно отметить и в более ранние эпохи человеческой истории, но городская жизнь средневековья представляет настолько характерные черты, что на ней мы всего лучше можем выяснить сущность этого нового экономического порядка.

Хозяйство города, слагающегося из свободных ремесленников, основывается на *дальнейшем расширении круга экономических отношений*; производительное и потребительное хозяйства здесь отделяются друг от друга путем установления прямого обмена между производителем и потребителем. [22] Ремесленник производит продукт, в котором сам он не нуждается (или нуждается в незначительной части общей массы производимых им предметов), но он не выносит своего продукта на рынок широкого и неизвестного ему круга покупателей, а изготавливает его, главным образом, на заказ. Отношения между производителем и потребителем имеют вполне непосредственный характер; не требуется ни торговца, ни биржи, ни сложных средств транспорта. Район, в пределах которого находились покупатели городских произведений, захватывал незначительное пространство вокруг рыночного центра, в несколько деревень, из которых в течение одного дня можно было добраться до города и вернуться обратно. Тем не менее, сравнительно с выше охарактеризованной формой замкнутого хозяйства, городское ремесленное хозяйство имело б о л е е ш и р о к и й к р у г о т н о ш е н и й ; в нем сталкивались два обособившихся строя жизни – городской и деревенский, соединенные общими узами разделения труда и обмена продуктов.

Городские ремесленники, огражденные от феодального владельца дарованной им привилегией, от конкуренции в производстве и сбыте изготавливаемых ими продуктов монопольной цеховой организацией, владели своеобразной экономической силой, обеспечивавшей им некоторое время устойчивое и цветущее состояние. И, как всегда бывает, устойчивость жизненного строя создавала в цеховом кругу известные житейские добродетели. Отношения в средневековом ремесле имели ярко выраженный патриархальный характер, близкий по [23] духу к интимному укладу семьи. Цехи заботились о том, чтобы продукты, изготавливаемые их членами, были доброкачественны, и чтобы при сбыте их не было обмана. Изделия, произведенные с нарушением цеховых правил, считались «фальшивыми», как фальшивая монета, и лица, изготовившие их, несли определенное наказание. Этим поддерживалось чувство моральной ответственности перед покупателем, естественно возникавшее в силу непосредственной и

постоянной связи городского ремесленника с его заказчиком. Мастер должен был поставлять «справедливую» работу. Этический элемент проявлялся и в отношениях самих мастеров друг к другу (корпоративный дух, находивший себе выражение в общих собраниях, празднествах, помощи в трудных обстоятельствах) и к подчиненным им лицам – подмастерьям и ученикам. Первоначально эти последние входили как бы в состав семьи мастера, относились к нему не как к представителю иного общественного класса, а только как к более старшему и опытному товарищу. И ученик, и подмастерье сами становились через известное количество лет самостоятельными мастерами. Как справедливо замечает Зомбарт, учреждение ученичества было повсюду стереотипным явлением, вытекавшим из природы ремесла. Ремесло без ученика нельзя представить себе как нечто целое; ученик служит как бы связующим звеном между отдельными поколениями, он обеспечивает ремеслу историческую непрерывность, обеспечивает его от вымирания. Положение подмастерья не так тесно связано с сущностью [24] ремесла, но в период расцвета цеховой жизни, в период типической формы средневековой ремесленной организации и подмастерье является не более как временным помощником мастера, входит в его семью и пользуется там вниманием и правами как, бывший ученик и будущий мастер ⁽⁵⁾.

Такой строй отношений существовал, однако, недолго. Постепенное расширение круга рыночных оборотов стало создавать бреши в некогда столь прочной твердыне цеховой организации. С одной стороны, под влиянием новых условий, самые цеховые порядки стали разлагаться и приходить в упадок, с другой, наряду с этой старой, традиционной формой промышленности, стали возникать новые, мало-по-малу вытеснявшие цеховых мастеров из их позиций. Прежде всего, когда развитие денежного хозяйства и расширение круга рыночного обмена создало почву для образования более крупных предприятий, мастера-хозяева стали стремиться поставить себя в более благоприятные условия сравнительно с младшими членами цехов. Обязательные взносы как при поступлении в ученики, так и для получения звания мастера, увеличиваются до громадных размеров. Количество подмастерьев, работающих у одного мастера расширяется и, и вместе с тем их шансы сделаться в свое время мастером все более и более падают. Между мастерами-хозяевами и их подмастерьями образуется глубокая разница в общественном [25] положении и перспективах на будущее, и тем самым отношения их из мирно-патриархальных переходят в открытую вражду. Растут недовольство и ропот против хозяев, переходящие временами в коллективные «восстания», напоминающие собой стачки рабочих в современной индустрии. В XVI и в особенности в XVII и XVIII вв. былые счастливые времена цеховой жизни исчезают безвозвратно, и вместе с

тем укрепляются и растут новые промышленные формы, обнаруживающие в себе все более и более явственные признаки нового хозяйственного строя, не закончившего еще цикла своего развития и по настоящее время, именно н а р о д н о г о или к а п и т а л и с т и ч е с к о г о хозяйства.

Новая система хозяйственной организации, подобно предыдущей появляется не в связи с преобразованием *техники* производства, не с машиной и паровым двигателем, а в силу *дальнейшего расширения круга хозяйственных отношений* и прежде всего в связи с усложнением и развитием менового оборота. Стремления хозяйственных сил этого переходного времени выбиться из тесного круга устаревшей хозяйственной организации находят себе могущественную поддержку в государственной власти крупных монархий.

Уже с половины XVI столетия в Англии пускает крепкие корни капиталистическая домашняя промышленность. Производство сукна начинает гнездиться вне городов, с их цеховыми монополиями, - в сельских округах, под покровительством центральной государственной власти. Техническая сторона дела при этом вначале не изменяется. [26] Все идет как будто по-старому: мастер работает в собственном помещении с учениками и подмастерьями, применяя прежние технические приемы. Но его экономическое положение радикально изменилось. Между ним и потребителем его изделий продвинулась новая фигура, незнакомая патриархальному ремесленному строю, - фигура капиталиста-предпринимателя. Этот предприниматель (clothier) сначала занимается скупкой готовых изделий, затем снабжает мастеров сырыми материалами и постепенно становится центральным действующим лицом новой формы промышленности. Он покупает шерсть, отдает её спрясть, соткать из пряжи сукно, свалять его и выкрасить и продает готовый товар сукноторговцу (draper)⁽⁶⁾. Организующей и объединяющей силой, с которой он подходит к зависимым от него мастерам, является к а п и т а л, сосредоточенный в его руках. В значительной мере это - капитал т о р г о в ы й, и по его происхождению и по применению к домашней промышленности, развитие которой тесно связано именно с расширением торговых оборотов. Торговля приобретает в это время растущее значение в экономической жизни европейских наций и пользуется заботливым и энергическим покровительством государственной власти.

Внутренняя торговля получает могущественный толчок устранением таможенных застав, усовершенствованием норм торгового права, развитием денежной системы и банкового дела, улучшением [27] сухопутных и водных путей сообщения, развитием крупного ярмарочного торгова (ярмарки в Париже, Бокере, Лионе, Дижоне во Франции, Франкфуртская и Лейпцигская

ярмарки в Германии). Внешняя торговля развивается путем создания крупных привилегированных компаний, а ввоз и вывоз товаров регулируются правительством с целями обеспечить дешевое сырье внутреннему производству и облегчить вывоз готовых изделий за границу.

Рядом с домашней капиталистической промышленностью и отчасти уже вытесняя ее, нарождается новая форма капиталистического предприятия – централизованная мануфактура. Мануфактура насаждается правительством путем приглашения искусных иностранных предпринимателей, мастеров и даже простых рабочих и поощрением централизации производства у местных промышленных деятелей. Отчасти она удовлетворяет нуждам двора и знати (ковровые, шелковые, зеркальные, кружевные мануфактуры), отчасти рассчитывается на более широкий круг покупателей (суконные, полотняные мануфактуры, мыловаренные, железоделательные заводы).

Все эти мероприятия правительства, игравшие столь крупную роль при переходе от замкнутой системы домашнего хозяйства и ремесленно-цеховой организации к крупному капиталистическому производству и обращению, вызывались не только дальновидными расчетами крупных государственных деятелей того времени (Кольбер!), но и потребностями самой государственной власти. Крупные абсолютные монархии XVII и XVIII вв. не могла [28] держаться на основах, даваемых прежним хозяйственным строем; им нужны были деньги для содержания армии и оплачиваемого чиновничества, для ведения внешней политики, а средства страны, имевшей хозяйственным базисом первобытное земледелие и ремесло, были уже недостаточны для этого. Отсюда энергичное государственное поощрение новым экономическим силам, крупному капитализму, выразившееся в политике меркантилизма. Недаром историк французской промышленности называет Кольбера «организатором абсолютной монархии»⁽⁷⁾.

Однако, поощряя развивающуюся промышленность, государственная власть имела в виду, конечно, прежде всего свои собственные интересы, а с другой стороны, она не могла отрешиться от приемов управления, свойственных абсолютизму. Регламентация приемов производства, заимствованная абсолютизмом у старой цеховой и муниципальной политики, при новых, более сложных и тонких формах производства, вскоре выродилась в мелочное вмешательство бюрократии, придирчивый и стеснительный контроль, затрудняющий техническое развитие и усовершенствование экономической организации этих новых предприятий. Чем больше крепла и становилась на собственные ноги крупная буржуазия, тем невыносимее становилась для нее промышленная опека, тяготевшая над всем хозяйственным строем абсолютных монархий, и [29] с тем большей энергией стремилась она от нее освободиться⁽⁸⁾.

Конец XVIII и начало XIX вв. отмечены поэтому борьбой буржуазии против старого режима. Система правительственной регламентации и опеки сменяется системой политической и промышленной свободы. Новое государство берет в свои руки наследие абсолютизма и по существу продолжает его дело, хотя и иными средствами. Так постепенно подготавливается современный нам экономический строй, расцвет которого захватывает собой близкое к нам время, приблизительно начиная с середины XIX столетия, а корни идут далеко в глубь исторической жизни европейских народов. С конца XVIII и начала XIX вв. промышленность, торговля, кредит и пути сообщения развиваются и совершенствуются гораздо более быстрым темпом; появляются одно за другим великие технические изобретения, организация различных форм хозяйственной деятельности претерпевает в короткое время глубокие изменения, и новые хозяйственные [30] отношения отливаются в резко определенную форму, приобретают своеобразные типические черты, резко отграничивающие их от прежних хозяйственных укладов.

Обращаясь теперь, после этих предварительных замечаний о переходном времени, к характеристике развитого капиталистического хозяйства, как своеобразной формы экономической организации, мы должны постоянно иметь в виду, что мы имеем здесь дело не с законченным циклом, сказавшим уже свое последнее слово, а с живым, постоянно изменяющимся и формирующимся на наших глазах процессом общественных отношений.

Чем же характеризуется эпоха развитого капитализма в отличие от рассмотренных уже нами эпох замкнутого домашнего хозяйства и ремесленного производства? Прежде всего – перераспределением главных отраслей народно-хозяйственной деятельности. Если раньше основой хозяйственной жизни было земледелие, то теперь центр тяжести переносится в промышленность. Современное капиталистическое государство из аграрного (Agrarstaat) становится все более и более промышленным (Indusriestaat). Было бы, однако, неправильно думать, что земледелие оставалось совершенно вне общего движения. Оно испытывает чрезвычайно крупные преобразования, как в смысле отношений между связанными с ним общественными группами (освобождение крестьян и вообще развитие нового аграрного права), так и со стороны техники (новые системы полеводства, рациональные приемы удобрения, применение машин и т.п.). [31] Некоторое время национальное сельское хозяйство, поднятое на высокую, сравнительно с прежним, ступень производственной техники и экономической организации, расширяя внутренний рынок для сбыта городских произведений, служит живой поддержкой и энергичным стимулом развивающемуся промышленному капитализму. В типических странах

новейшего капитализма: Англии и Германии – период с конца XVIII в. до семидесятых гг. XIX (в Германии он начинается по понятным причинам несколько позже чем в Англии) – представляется для сельского хозяйства эпохой переворота и расцвета, без понимания которой нам неясны были бы во многих отношениях и судьбы новейшей индустрии.

Тем не менее, нигде действие новых сил не проявилось с такой яркостью и быстротой, как в индустрии (включая транспорт), и потому переход к новейшему экономическому строю называют просто «промышленным переворотом» (industrial revolution).

Сущность этого переворота, так же как и переходных форм к новейшему строю, заключается не целиком и не прежде всего в колоссальном техническом прогрессе, как часто думают. Сущность его – в громадном, невиданном до того расширении круга социально-экономических отношений, в частности, в расширении рыночного оборота.

Среди сил, способствовавших этому преобразованию хозяйственных отношений, нельзя не отметить и здесь политического фактора – нового государственного и правового строя. Что было начато [32] абсолютной монархией XVII и XVIII вв., заканчивалось новыми формами государственной жизни, а отчасти и старой монархией, но под давлением новых порядков и новых веяний (Пруссия). Создавалась как бы новая общественная атмосфера, в которой укреплялся и рос новый хозяйственный строй. Эта особая атмосфера заключалась во всепроникающем начале свободы, освобождения не только от гнета абсолютного режима, правительственного произвола и опеки, сословной зависимости и ограниченности в правах, вообще от старых юридических норм, но и от старых традиций и авторитетов. Повсюду старая связанность и стесненность личности (перед государственной властью или помещиком, цеховым порядком или просто дедовскими обычаями и т.п.), сменяется свободой индивидуального самоопределения, изолированностью, частной инициативой. Принцип «Laissez faire, laissez passer» становится всеобщим лозунгом. Вскоре обнаруживается, однако, что политическое и культурное освобождение личности не сделало ее в действительности свободной от всяких связей и зависимости, и что новый хозяйственный строй таит в себе в этом отношении новые опасности, невиданные ранее. Связывая отдельные хозяйственные единицы широкой и запутанной сетью взаимных отношений обмена, влиять на которые каждая отдельная личность так же бессильна, как на стихийные явления природы, современный капитализм естественно порождает все ярче и ярче разгорающиеся стремления к объединению, коллективной деятельности, страховке жизненного риска. И потому при

сохранении принципа [33] свободы, индивидуальная изолированность и исключительность уступают место разного рода коллективным организациям. Капиталисты-предприниматели объединяются в товарищества, компании, синдикаты; рабочие – в профессиональные союзы и потребительские общества; крестьяне – в сельскохозяйственные кооперативы. Все больше растут и социально-экономические начинания общественных публичных союзов – государства, муниципалитетов и т.п.

Но эти новые коллективные организации в отличие от прежних, основанных на обычае и авторитете, строятся на известном р а ц и о н а л ь н о м расчете и не стремятся поглотить в с ю л и ч н о с т ь целиком, со всем ее духовным содержанием, а лишь одну сторону ее существа, «деловую», и потому они представляются сравнительно односторонними, прозаическими, но зато определенными, ясно и точно отграниченными. В этом смысле все указанные начинания являются характерным порождением духа времени, духа капиталистической эпохи.

Это дух р а ц и о н а л и з м а, точного количественного учета, настойчивого преследования определенной хозяйственной цели без оглядки по сторонам. Он коренится уже в первых шагах нового хозяйственного строя, находит себе резкое выражение в хозяйственных деятелях времен реформации, но достигает своего полного и законченного развития только в XIX веке в новой социальной атмосфере. Первоначально он осложняется некоторыми моральными и даже религиозными моментами. В известных словах Якова Фуггера слышится явственный этический [34] оттенок⁽⁹⁾. а в некоторых протестантских группах – кальвинистов, пиэтистов, методистов, баптистов – как показал Макс Вебер в своем блестящем этюде, - промышленные успехи тесно связывались с аскетическим отношением к жизни, с религиозной выработкой нравственной личности, с глубоким и искренним религиозным воодушевлением⁽¹⁰⁾. Однако и в этой странной на первый взгляд связи, в этом соединении набожности и аскетизма с духом приобретения и наживы, отчетливо проявляется характерная черта грядущего хозяйственного уклада, рационалистический характер религиозного убеждения, утилитарная основа мирозерцания. Она-то и помогала промышленным деятелям того времени оставаться в религиозном отношении цельными людьми, преследуя при этом задачи приобретения и наживы.

К середине XIX в., и прежде всего на родине новейшего капитализма, в Англии, этот дух находит себе воплощение в известном образе «экономического человека», уродливо отразившем в себе господствующие тогда начала промышленной свободы. И только со второй половины XIX в. начинает явственнее обозначаться специальная сфера проявления духа рационализма, которая не стесняла и не нарушала бы единства

индивидуальной и социальной жизни, занимая надлежащее, приличествующее ей служебное место в общем [35] комплексе человеческих целей и стремлений, венчаемом религиозным и нравственным чувством.

Рационализм нового хозяйственного строя ярко сказался в современной технике. Современный человек все более и более отрывается от старой таинственной связи с природой, от инстинктивного приспособления и слепой стихийной борьбы с нею, но все более и более проникает свои отношения к ней сознательным уяснением действующих в ней сил и процессов, рациональным предвидением и расчетом. Место эмпирических навыков и личного искусства, окружавших некоторой таинственностью и недоступностью для непосвященных мир средневекового промысла, занимает точный научно-технический расчет, а роль исполнительной силы все более и более отводится механическим, химическим и т.п. процессам.

Наиболее ярким и типическим выразителем новейшего строя промышленной техники является машина. Крупное машинное производство становится типической формой новейшей промышленности и мало-по-малу вытесняет мелкое ремесленное и капиталистически-организованное домашнее производство, имея перед ними громадное преимущество как в сравнительно улучшенных способах изготовления продуктов, так и в более выгодных условиях закупки сырых материалов и сбыта готовых изделий.

В Англии в прядильной промышленности победа крупного машинного производства над мелким ручным совершилась еще в XVIII в. Толчок техническим усовершенствованиям этой промышленности [36] был дан незначительным сравнительно изобретением «летающего челнока» (fly shuttle) в ткачестве. Ткачи могли вырабатывать вдвое большее количество ткани, чем прежде, и прядильщики не успевали подготовить столько пряжи, сколько было нужно. Дороговизна пряжи побудила одного ткача (Харгривса) изобрести (в 1764 году) прядильную машину («Дженни») из 8 веретен, вставленных в раму и приводимых в движение одним колесом, причем пальцы прядильщика заменялись подвижной «кареткой». Впоследствии число веретен в раме было увеличено до 20, 30 и 120.

Сначала Харгривс пользовался только сам своим изобретением, но затем стал делать и продавать свои «Дженни» другим ткачам; несложность механизма способствовала широкому распространению машины, так как ее легко можно было сделать простой ручной работой. Харгривс не мог поэтому обеспечить себе пользования своими патентными правами и умер, как говорит историк английской хлопчатобумажной промышленности, «не получив ни малейшего вознаграждения за свое ценное изобретение». Дальнейшее усовершенствование прядильного дела связано с именем

А р к р а й т а (имевшего целый ряд менее счастливых предшественников), изобретшего «прядельную раму» или «водяную раму» (water-frame), так как она приводилась в движение водой (в 1768-71 гг.). Благодаря этому изобретению, хлопчатобумажное ткачество освободилось от необходимости употреблять льняную основу, так что потребление хлопчатобумажной пряжи соответственно расширилось. Наконец К р о м п т о н скомбинировал принципы [37] машин Харгривса и Аркрайта, создав так называемую «mule» (в 1774-1779 гг.), с помощью которой стало возможно выделывать из хлопка основу для самых тонких тканей⁽¹¹⁾.

Этими изобретениями и открывается новая эра в прядельной промышленности Англии; ручное прядение исчезает без следа, и прядельщик становится типичной фигурой рабочего крупной промышленности, получающего высокую заработную плату, склонного к энергичной защите своих интересов, к участию в политической жизни и т.д.

В ткацкой промышленности технический прогресс совершался медленнее. В 1785 году священник К а р т р а й т изобрел механический ткацкий станок, но эта машина страдала многими несовершенствами, так что ручное ткачество продолжало существовать. Только в 30 и 40 гг. XIX ст. были произведены существенные улучшения в механическом станке, и с той поры ручное ткачество быстро вымирает. Медленное распространение машинного производства в ткацком деле было причиной того, что переходное бедственное время для ручных ткачей стало хроническим. Они могли держаться против машин сравнительно долго, но эта борьба стоила им чрезвычайных лишений. Они удлинили до крайних пределов свой рабочий день и все-таки зарабатывали так мало, что могли жить только впроголодь. В Болтоне ручные ткачи в 1800 году имели еще чистый недельный заработок в 15 шилл. 6 пенсов; в 1834 г. он [38] понизился до 4 шилл. 1 ½ пенсов; в Глазго заработок ручных ткачей понизился с 14 шилл. В 1797 году до 7 шилл. 6 пенс в 1833 и т.д.⁽¹²⁾.

Так самостоятельное ручное производство уступило место машинному труду в крупной промышленности. В личном составе участников производственной деятельности обособились, таким образом, две резко различающиеся друг от друга группы: с одной стороны к а п и т а л и с т ы, владеющие средствами и орудиями производства, с другой – н а е м н ы е р а б о ч и е, лишенные этих средств и предлагающие только свою рабочую силу. Далее среди второй категории мы усматриваем значительное количество ж е н щ и н и д е т е й, труд которых стал возможен благодаря широкому применению машин, не требующих ни большой физической силы, ни продолжительной подготовки. В детском труде на фабриках многие очень долго видели совершенно новое явление, порожденное капитализмом. На

самом же деле детский труд применялся и ранее, только в меньших размерах и менее заметно для образованной публики. В ручном прядении и ткачестве участвовали не только взрослые, но и дети; дети же в большой мере работали и на мануфактурных предприятиях. Но только с той поры, когда [39] детский труд стал применяться к машинному производству, к нему обратилось внимание общества, и были созданы нормы законодательной его защиты. Как велико число детей, занятых в настоящее время в фабричной промышленности и вне ее, можно видеть на примере Англии. По отчету «Департамента Труда» в 1891 году в Англии и Уэльсе в главнейших отраслях промышленности было занято детей:

	Детей в возрасте от 10 до 15 лет		
	Мальчиков	Девочек	Всего
Всего в текстильной промышленности	63 872	80 597	144 469
Домашнее и личное услужение	8 667	110 198	118 865
Перевозка товаров и передача известий	96 576	2 576	99 152
Земледелие	71 519	1 517	73 036
Производство платья	16 619	35 020	51 639
Горная промышленность. Угольная	31 318	249	31 567
Добывание других минералов	1208	175	1383
Пища и жилище	18 393	3 246	18393
Строительная и мебельная пром-сть	14 005	1 183	15 188
Неквалифицированный труд (General Labour)	13 081	95	13 176
Производство железа и стали	10 501	472	10 973
Коммерческие и иные клерки	9 732	523	10 255
Всего детей от 10 до 15 лет, занятых хоз. трудом	419 209	262 194	681 403
Всего незанятых детей	1 191 649	1 350 515	2 542 164 ⁽¹³⁾ .

[40] Из этой таблицы видно, что более всего было занято детей в текстильной промышленности (суммируя все ее отрасли), далее следуют домашние услуги (огромное большинство приходится на девочек) и доставка товаров и известий (по преимуществу мальчики). Очень много мальчиков показано и в земледелии, что еще раз свидетельствует о том, что не одна фабрика эксплуатирует детский труд (между тем на земледельческих малолетних рабочих защита фабричного законодательства не распространяется; некоторую защиту им дает только законодательство об

обязательном посещении школы). Наконец довольно крупная цифра детей (мальчиков) отмечена для угольной промышленности.

Мы уже упоминали, что с усилением применения детского труда на фабриках на его защиту выступило фабричное законодательство, которое установило предельный возраст для приема детей на фабрики и ограничило количество часов труда для тех детей, которым разрешена фабричная работа. Эти меры не могли остаться без влияния на сокращение количества детей, занятых в промышленном труде, с дальнейшим развитием капитализма.

Количество детей до 13 лет (half-timers) на английских текстильных фабриках по данным ценза 1891 года с 1874 года уменьшалось следующим образом:

В 1874 году их было 125 886, в 1878 - 110 585, в 1885 - 91 651 и в 1890 - 86 468 человек.

В Соединенных Штатах процент детей (от 10 до 15 лет), занятых в различных отраслях [41] промышленности, упал с 1880 года по 1890 с 16,8% до 10,3% ⁽¹⁴⁾.

То же самое справедливо и относительно женского труда. Фабрика расширила формы применения женского труда, но не она создала его ⁽¹⁵⁾. В домашней прядильной и ткацкой промышленности женщина работала с давнего времени; так же велико всегда было применение женского труда в швейном деле. Эксплуатация принимала там не менее угрожающие формы, чем на фабрике; не меньше были и моральные опасности; но только с появлением фабричной женской работы прямым вмешательством государства был поставлен вопрос об охране нравственности, здоровья и интересов работницы.

Как велико участие женского труда в современном капиталистическом хозяйстве, можно видеть из следующего примера: рассматривая данные об участии мужского и женского труда в десяти главнейших отраслях английской индустрии за пятидесятилетие с 1841 по 1891 год, находим, что в то время как число мужчин, занятых в этих отраслях промышленности, увеличилось на 53%, число женщин выросло на 221%. Абсолютные цифры, относящиеся сюда, имеют следующий вид: [42]

Всего в 10 отраслях ⁽¹⁶⁾ промышленности насчитывалось:

1841 г.		1851 г.		1861 г.	
мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин
1 030 600	463 600	1 324 200	997 910	1 357 200	1 150 106
1871 г.		1881 г.		1891 г.	
мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин
1 385 500	1 203 200	1 401 900	1 299 500	1 576 100	1 447 500

В некоторых отдельных отраслях промышленности участие женщин еще значительнее; так в текстильной промышленности в 1891 г. насчитывалось на 430 500 мужчин 585 600 женщин ⁽¹⁷⁾. В этом привлечении женщин к промышленной деятельности наравне с мужчинами многие видят такое же

социальное зло, как в применении детского труда. В начале капиталистического развития, действительно, труд женщин на фабрике представлял во многих сторонах неутешительное явление, расстраивая нормальный ход семейной жизни и подрывая физические силы женщин. На борьбу с этими вредными условиями выступило фабричное законодательство, принимая женский и детский труд под свою защиту и устанавливая для его применения нормы, необходимые с гигиенической и моральной точек зрения. Желательно, конечно, чтобы государство и далее развивало свою деятельность в этом направлении, потому что в [43] женском фабричном труде самых передовых государств и теперь еще замечается много вопиющих недостатков. Но было бы фальшиво сентиментальностью видеть в самом этом труде нечто несвойственное женщине. В положении фабричной работницы есть и хорошие стороны, на которые могут опереться прогрессивные стремления современной женщины, так как, участвуя в промышленном труде, она становится фактически равноправной с мужчиной и может завоевать себе самостоятельность и в кругу семейных отношений. Вот почему самые ревностные защитники европейской работницы постоянно высказываются не за полное освобождение ее от промышленного труда и возвращение к домашнему очагу, а лишь за гарантию нормальной обстановки ее работы, соответственно экономическим, моральным и гигиеническим требованиям⁽¹⁸⁾.

Среди сторонников уничтожения женского труда на фабриках мы встречаем по преимуществу таких лиц, которые относятся с полным отрицанием к крупным капиталистическим предприятиям, но не во имя преобразования общества на новых более справедливых началах, а из пристрастия к прежним, уже отжившим формам хозяйственного строя, в которых женщина не смела еще помышлять о свободе и самостоятельности. «Фабричная работница, - пишет Жюль Симон в своей известной книге «L'ouvrière», - занята не особо утомительным трудом; помещение, где она работает, лучше ее жилища; она получает большую плату, сравнительно с домашним [44] заработком за шитье и вышивание». «Итак, где же зло?» - спрашивает он. Ответ прост: Женщина, сделавшись работницей, перестает быть женщиной. Вместо замкнутой, укрытой, целомудренной жизни, полной дорогих привязанностей, столь необходимой для ее и даже для нашего счастья, она живет под владычеством надсмотрщика, среди товаров сомнительной нравственности, в постоянном общении с мужчинами, отделенная от мужа и детей»⁽¹⁹⁾. Такие тирады можно постоянно слышать от людей, которые желали бы воскресить доброе старое время, когда общество делилось на много замкнутых каст, когда каждый знал свое место и умел слепо подчиняться авторитету. О том, что прежние формы женского труда были не менее вредны для здоровья и не реже были сопряжены с опасностью для нравственности (стоит вспомнить хотя бы о модистках и белошвейках), эти противники работы женщин не вспоминают. Не думают они также и о том, что в составе женщин-работниц немало девушек, которые не имеют еще своего самостоятельного домашнего очага, и вдов, которым не откуда ждать поддержки⁽²⁰⁾.

Фабричная работа впервые открыла трудящейся женщине перспективы самостоятельности и деятельности на широкой общественной арене за [45] пределами семейного союза. Работница, участвующая в профессиональном рабочем союзе, знающая свои права при работе, предоставленные ей фабричным законодательством, и умеющая защищать их, не потеряна для семейной жизни, а наоборот, внесет и в семейную обстановку, в свои отношения к мужу и детям, более разумные, гуманные и справедливые начала, чем покорно-пассивная или забитая раба патриархальной семьи.

Итак, господствующим типом развитого капиталистического строя стало крупное производство. Особенно сильно развились, помимо крупной текстильной промышленности, горное дело, железоделательная промышленность и машиностроение. Употребление парового двигателя потребовало громадных количеств каменного угля; для постройки машин и приспособлений для них нужно было добывать много железа. С этим развитием и концентрацией крупных предприятий, капиталистические страны стали мало-по-малу дифференцироваться на обособленные промышленные округа, в каждом из которых сосредоточивалась какая-либо специальная отрасль промышленности. Развитие путей сообщения открывало возможность отдаленной перевозки продуктов; поэтому каждая промышленность стремилась избрать себе место наиболее удобное по естественным и иным условиям. В Англии, например, хлопчатобумажная промышленность сосредоточилась в Ланкашире, кораблестроительная – на Тайне, шерстяная – в Йоркшире и т.д. В каждом же из этих округов стали вырастать промышленные [46] центры, притягивавшие к себе население из окрестных местностей. Г о р о д с к а я ж и з н ь стала развиваться на счет сельской.

Если взять для примера из английских городов Бирмингэм (центр металлургической промышленности), Лидс (шерстяной) и Манчестер (хлопчатобумажной), то легко увидим, как отражалось на росте городов развитие капиталистической промышленности:

	Было жителей		
	в Бирмингеме	в Лидсе	в Манчестере
В 1801 г.	73 000	53 000	35 000
В 1841 г.	181 000	152 000	353 000 ⁽²¹⁾

К началу XX столетия (по данным переписи 1901 года) городское население Англии и Уэльса составляло уже 77% всего населения, а сельское – всего 23%. При этом в 9 городах с населением свыше 250.000 жителей жило в общем немного менее 1/4 всего населения и на один только Лондон приходилась в 1901 году чудовищная цифра в 6.581.372 чел. ⁽²²⁾.

В Германии быстрый рост городского населения замечается в 50-х и в особенности с 70-х гг. XIX столетия, т.е. параллельно с развитием крупной индустрии.

В Германской Империи жило в городах

В 1871 году – 36,1%, в 1875г.-39%, 1880 г. – 41,4%, 1885 г.- 43,7%, 1890г.- 47% и в 1895г. -49,8% всего населения страны ⁽²³⁾.

Несколько медленнее продвигался процесс развития городского населения во Франции; общая тенденция и здесь, однако, выражается очень ярко. За пятидесятилетие с 1836 по 1886 г. население городов Франции увеличивалось следующим образом:

Города с населением (жителей)	Число городов в 1836 г.	Число городов в 1886 г.	Увеличение населения в % с 1836 по 1886г
10 000 - 15 000	52	87	61,6
15 000 - 20 000	24	48	77
20 000 - 30 000	20	45	74,2
30 000 - 50 000	8	25	195,6
50 000 - 100 000	6	19	328,6
100 000 и больше	9	11	129,8

Если взять отдельные примеры, то картина будет еще поразительнее. Так Рубэ, в начале XIX столетия был еще жалким местечком с населением всего около 8 тысяч жителей; с двадцатых же годов XIX века, по мере развития в нем крупной (текстильной) промышленности, он стал необыкновенно быстро увеличиваться:

В 1821 году в нем было уже 18 187 жителей, в 1869 - 65 091, в 1886 – 100 299 жителей ⁽²⁴⁾. [48]

Еще быстрее росли города в Соединенных Штатах Северной Америки. Еще в 1820 году в Соединенных Штатах только 1/20 часть населения помещалась в городах, имеющих более 8.000 жителей. К 1900 г. она поднялась уже до 33,1%. В городах вообще (т.е. местах, имеющих согласно классификации американского ценса, от 4.000 жителей) в 1900 г. насчитывалось уже 37,3% всего населения, а в семи восточных (промышленных) штатах – более 50% ⁽²⁵⁾. Рост отдельных городов шел поистине сказочным темпом. Чикаго в год основания (1837 г.) имел 4170 жителей, а в 1880 году в нем насчитывалось уже 503 000 жителей.

Таким образом города стали в XIX столетии играть крупную роль в жизни европейских народов. Первоначально, в силу неблагоприятных условий, в какие были поставлены жившие там трудящиеся классы, в городской жизни видели источник разнообразных пороков, преступности, вырождения. Но по мере последовательного роста культуры, улучшения муниципальных учреждений и развития их деятельности, по мере того, как [49] трудящимся классам удалось обеспечить себе более сносные условия

существования, физиономия европейского города существенно изменилась к лучшему. Город рисуется теперь не только в виде места, предназначенного для тяжелой, утомительной и истощающей работы, но и как культурный центр, средоточие просвещения и более живой общественно-политической атмосферы. Городские рабочие более образованы и развиты, лучше организованы в профессиональные и иные союзы. К их услугам ежедневная пресса, музеи и библиотеки, лекции, товарищеские собрания и митинги. Освобождаясь от трудового дня, они легко находят возможность посвятить свое остальное время высшим сторонам жизни. С другой стороны, при таких условиях им легче оказывать влияние и на изменение своего материального положения.

Таковы черты капиталистической организации хозяйства в области производства. Что касается сферы о б м е н а, то и здесь мы находим крупные изменения сравнительно с охарактеризованными нами выше более ранними экономическими формами. Процесс общественного разделения труда идет при капиталистическом хозяйственном строе гораздо более быстрым темпом, чем в предыдущие эпохи общественного развития. Промышленность сельскохозяйственная и обрабатывающая все более и более дифференцируются; каждая отрасль промышленности раздробляется на множество самостоятельных ветвей, и вместе с тем параллельно с таким дифференцирующим процессом развивается и процесс общественной интеграции. Отдельные хозяйственные единицы не изолированы друг [50] от друга, как при строе замкнутого домашнего хозяйства, а напротив, находятся в сильном взаимодействии, и тем в большей степени, чем дальше проводится специализация занятий. Продукты, производимые в капиталистическом хозяйстве суть т о в а р ы; все они вовлекаются в обширную сеть менового оборота. Рынок, благодаря массовому производству, специализации промыслов и усовершенствованиям транспорта, все расширяется и, в конце концов, обращение товаров принимает форму международного и мирового обмена. Железные дороги, каналы, океанические пароходы связывают отдаленнейшие пункты земного шара тесными экономическими узами. Развитие кредита и акционерных предприятий еще более усиливает темп развития гигантского механизма современного товарного обращения. Таким образом р а с ш и р е н и е р ы н к а до возможных пределов составляет характерную черту современного экономического строя. Деятельность, например, английской фабрики часто стоит в непосредственной зависимости не от английских покупателей, а от какого-либо азиатского или африканского рынка. Если в этих далеких уголках земного шара случаются какие-нибудь неблагоприятные осложнения, сокращающие спрос на товары, то фабрика эта будет поставлена в чрезвычайно затруднительное положение. Самый внутренний спрос также далеко не отличается устойчивостью. Это несоответствие между предложением и спросом коренится в самой сущности нового капиталистического строя. Связь между производством и потреблением, столь ясная, например, в эпоху замкнутого домашнего хозяйства, в настоящее [51] время затемняется благодаря необычайной широте и неопределенности рынка, неорганизованности производства.

Капиталистический строй покоится на противоречивых основаниях, из существа которых вытекают и неурюстройства товарного обращения. Производство имеет в известном смысле общественный характер: каждое предприятие, каждая отрасль промышленности поставлены в тесную зависимость друг от друга, служа как бы органической частью сложного, но единого целого, и в то же время во главе каждой хозяйственной единицы стоят изолированные предприниматели, действующие каждый исключительно в своих личных интересах и за свой личный страх и риск и имеющие единственной целью – получение возможно большей прибыли. В том, что им надо производить, они руководствуются не определенным сознанием той или иной действительной общественной потребности, а смутными указаниями рыночного спроса. Покупатели произведений капиталистической промышленности рассеяны по всему миру; их надо отыскать, привлечь, в крайнем случае принудить силой. Отсюда крайняя неустойчивость современной промышленности, ее погоня за новыми рынками, ее охота на покупателей путем самых беззастенчивых реклам, приманок дешевизной, премиями, потворством низшим инстинктам. Самые войны имеют теперь основой уже не религиозные или династические цели, как прежде, а промышленные и коммерческие интересы, стремление захватить новые рынки для сбыта товаров и помещения в новых землях свободных капиталов. В этой погоне за покупателем между [52] самими промышленными и торговыми предприятиями свирепствует ожесточенная конкуренция, стремление по возможности обогнать или совсем уничтожить своих соперников. При недостатке точных сведений ни о размерах будущего спроса, ни об объеме предложения со стороны конкурирующих фирм, в современные промышленные и коммерческие расчеты проникает дух спекуляции, предположительного и часто преувеличенного вычисления будущих выгод. Правда, с развитием капиталистического производства конкуренция отдельных предприятий в одинаковых отраслях промышленности начинает сменяться обширными монопольными организациями – синдикатами, трестами. Но существо дела остается прежним и при этом изменении формы капиталистических предприятий. Стихийная неорганизованность всего народного хозяйства остается прежней, а дух безудержной спекуляции продолжает питаться существенной особенностью капиталистического хозяйства. Ведь его целью является безостановочное получение прибыли; всякий новый, накопленный свободный капитал настойчиво требует немедленного «рентирования». Механизм капиталистического производства не только должен работать безостановочно, но и постоянно расширяться, чтобы выполнять свое основное предназначение – доставлять прибыль. А правильная работа этого сложного механизма возможна лишь в случае надлежащего распределения капиталов между его отдельными отраслями. Такое распределение, при обширности и сложности современных хозяйственных отношений, складывающихся стихийно, вне какой бы то ни было планомерной организации, [53] есть в высшей степени трудная задача. Поэтому

приспособление капиталистического производства к требованиям, которые ставит общее развитие хозяйственных отношений, совершается очень не гладко, с большими заминками и часто жестокими потрясениями. Новейшее промышленное производство имеет волнообразный характер: периоды сравнительного промышленного и торгового оживления и расцвета сменяются острыми кризисами или хроническими депрессиями. Легко представить себе всю сложность и запутанность этих отношений современного производства и сбыта, когда меновой оборот охватывает собой все страны мира.

Наконец, в сфере р а с п р е д е л е н и я при капиталистической организации хозяйства мы находим также крупные перемены. Общая сумма национального дохода, в силу необычайного подъема производительности труда быстро растет. Капиталистические нации становятся все б о г а ч е. В этой общей сумме дохода отчетливо обозначаются четыре его главные доли: поземельная рента, доход предпринимателя, прибыль на капитал (процент) и заработная плата – соответственно основным классам, на которые делится современное общество. Отношения между этими классами складываются в своеобразные формы, неизвестные ранее. Наиболее характерными представляются отношения между капиталистами-предпринимателями и наемными рабочими. Старые патриархальные связи, основанные на законе или обычае, сменяются простой связью «наличного расчета» (cash nexus), строятся на почве с в о б о д н о г о д о г о в о р а между юридически равноправными, но чуждыми друг другу и антагонистически [54] настроенными лицами. Первоначально этот формально свободный договор сильно напоминает былые формы принудительно-зависимых отношений, но вскоре претерпевает существенные изменения, становясь из индивидуального к о л л е к т и в н ы м. Отчасти в тесной связи с этим преобразованием форм договора, отчасти как результат общих условий новейшего капиталистического развития (прежде всего – повышения производительности труда), доход рабочих классов постепенно увеличивается при сокращении часов труда и улучшении гигиенической обстановки работы. Нельзя не отметить здесь, что и в этом подъеме трудящихся классов значительную роль сыграли общеполитические условия. На почве политической свободы, открывающей возможность и рабочему классу наравне с другими слоями общества отстаивать свои интересы, развивалась мало-по-малу их союзная организация, видоизменялись законодательные нормы и повышался культурный уровень масс.

Таким образом общей чертой современного распределения народного дохода, в отличие от средневековой тяжеловесности и неподвижности, представляется эластичность, неустойчивость, изменчивость. В средние века, при неподвижных формах производственной техники и скованности (законом или обычаем) отношений между различными общественными группами, доход каждого лица определялся его принадлежностью к известному общественному классу, его общественным положением и назначением и часто в неизменном виде переходил от поколения к поколению.

Только прибыль купца [55] выбивалась из этого строго очерченного круга, неся в себе элементы неустойчивости и неопределенности будущего строя. В настоящее же время подвижность доходов, неопределенность и неустойчивость положения отдельных лиц и целых общественных классов представляется неизбежным спутником всего хозяйственного строя, его всеобщим и характерным признаком.

Мы рассмотрели, в чем заключается основной характер главных типов экономического развития человеческих обществ. Но мы опять должны повторить, что эта характеристика ни в каком случае не может исчерпывать всего содержания экономической истории, и что, с другой стороны, в каждую данную эпоху мы найдем существование не только одного (преобладающего) типа, но и многих других экономических форм, из которых одни представляются пережитками более или менее отдаленного прошлого, другие – зародышами будущего развития. Основываясь на знании главнейших характерных типов экономического строя, мы можем легче разобраться в пестрой мозаике фактов действительной жизни. Мы будем в состоянии проследить в ней действие главных экономических сил, не спутывая границ проявления каждой силы и отводя каждому явлению его надлежащее место в общем жизненном строе. С другой стороны, всматриваясь в изменения, происходившие в хозяйственной жизни, мы легко отрешимся от обычного близорукого отношения к будущему. Зная, что в прошлом происходили великие перемены экономических отношений, мы уже *a priori* будем ожидать и в будущем подобных крупных [56] изменений, а изучая внимательнее условия существующего, найдем некоторые указания и на те формы, к которым тяготеет развитие наших экономических условий. И мы не будем со страхом или враждой относиться к этому будущему, не будем замыкаться в узкой сфере привычных нам впечатлений, а бодро посмотрим в глаза тому, что нас ожидает. С человеком, не привыкшим глубоко вдумываться в смысл общественных явлений, при столкновении со смелой и широкой теорией происходит приблизительно то же, что бывает с жителем равнины, впервые восходящим на высокую гору. Перед ним раскрываются далекие перспективы, он в состоянии единым взглядом окинуть и пройденный путь, и предстоящую ему далекую дорогу, а он настолько свыкся с привычным ему узким горизонтом, что не замечает всего величия развертывающейся перед ним картины. У него кружится голова от новых, не испытанных еще впечатлений, и он в безотчетном страхе закрывает глаза и просит спутника отвести его назад, в долину, где нет этих подавляющих картин... Но такое состояние не удержится долго: он привыкнет к новым перспективам и сумеет оценить красоту горного пейзажа. Так и изучающий социальную жизнь свыкнется постепенно с теми указаниями на будущее, которые дает ему это изучение, и все более и более будет понимать глубокий смысл старинного изречения: «Не нами мир начался, не нами и кончится».

1. См *K. Bucher*, *Die Entstehung der Volkswirtschaft*. 5-te, Tubingen, 1906, стр. 85-150

2. см *Gustav Schmoller*, «Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre», Leipzig, 1900, стр. 241.

3. Относительно применения принципа кооперации в первобытных обществах см. в особ. *Зибера*: «Очерки первобытной культуры»

4. Со стороны специалистов, историков древности, схема Бюхера встретила резкие возражения, в особенности Эд. Мейера и Белоха, которые указывают на значительное развитие торговли и крупного производства во время хозяйственного расцвета Греции и Рима. Но эти возражения (направляемые по пути и против Родбертуса) идут мимо цели, потому что всякая схема общественного развития, а тем более захватывающая столь крупные эпохи, по необходимости должна быть упрощенной, по сравнению со всей сложностью действительных отношений. А каковы бы ни были цифры торговых оборотов Пирейской гавани в V в. до Р.Х. или размеры предприятий у некоторых лиц в некоторых греческих городах того времени – основное положение Бюхеровой схемы, что замкнутое хозяйство составляло наиболее характерный экономический тип у античных народов, остается непоколебленным. Уже один факт, что в самые цветущие времена Греции и Рима производство, а в особенности крупное, основывалось на рабском труде должен был бы отбить охоту разыскивать в древнем мире аналогии с современным капиталистическим хозяйством. См. *Ed. Meyer*, «Die wirtschaftliche Entwicklung des Altertums», *Jahrb. f. nat. Oek. u. Stat.*, 1895 (есть русский перев., изд. Водовозовой) и *J. Beloch*, «Zur griechischen Wirtschaftsgeschichte», *Zeitschr. f. Socialwissenschaft*. 1902.

5. *W. Sombart*. *Der moderne Kapitalismus*. I Bd, 1902, стр. 119-121 1. Дж. Эшли (Ashley). Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. Москва, 1897 г, стр. 101-102.

6. *Эшли*, указ. сочин., стр. 500-501.

7. *Levasseur*, *Histoire des classes ouvrières en France*, том 2, стр. 169

8. Еще при Кольбере французская промышленность была опутана сложной сетью правительственных регламентов, кульминационным пунктом которых был знаменитый *arrêt du décembre 1670*, согласно которому выработка материй, несоответствующих изданным правительством правилам, каралась в первый раз – выставлением таких изделий у позорного столба с обозначением имени мануфактуриста, во второй раз – выговором и в третий раз - выставкой у позорного столба самого мануфактуриста. Правда, правительство не решалось, по-видимому, применять этой меры по всей строгости, по крайней мере по отношению к последнему пункту, но случаи выставления товаров у позорного столба были. *Levasseur*, II, стр. 190.

9. На вопрос, когда он перестанет трудиться ради наживы и удалится на отдых, Яков Фуггер отвечал: «*erwäre kleinmütig... er hätte viel einen andern Sinn, wollte gewinnen, diewell erkönnte*», *Sombart*, *Der moderne Kapitalismus*, I, 396.

10. *Der protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus*. *Archiv für Socialwissenschaft*, XX и XXI.

11. *Thomas Ellison*, *The Cotton Trade of Great Britain*. London 1886, стр. 17.-38

12. *Bowley*, *Wages in the United Kingdom in the XIX century*. Cambridge, 1900, стр. 112. подробные сведения об упадке ручного ткачества см. в старой работе *Maxwell*, *Manual*

labour versus machinery etc. London, 1834 (речь в парламенте по вопросу о назначении комиссии для исследования причин бедности 500.000 ручных ткачей с документальными приложениями).

13. Цит. По *Richmond Mayo-Smith*, *Statistics and Economics*, стр.83.

14. *Mayo-Smith*, стр.84 – 86

15. Например, в кружевной промышленности Франции XVII в., созданной Кольбером, были заняты исключительно женщины. Они считались сотнями на отдельных предприятиях. *Levasseur*, указ. соч., стр. 201-202.

16. 1) Глиняная и фаянсовая посуда 2) топливо, газ, химические вещества 3) меха, кожа, клей 4) дерево, мебель, карты и т.д. 5) бумага, клеенка и т.д. 6) текстильные изделия, крашение 7) платье 8) пища, питье, куренье 9) часы, инструменты, игрушки 10) печатание, переплетное дело и т.д.

17. *John A.Hobson*, *The evolution of modern capitalism*. London 1894, стр.291 (есть рус. перев. изд. Поповой)

18. *Lily Braun*, *Die Frauenfrage*, 1901, стр. 490-493

19. *Jules Simon*, *L'ouvriere*, Paris, 1861, стр.V-VII.

20. См., например, *Die Verhandlungen des Züricher Arbeiterschuttkongresses*, 1897, Законодательное запрещение фабричного труда замужних женщин привело бы в действительности только к переходу их к более тяжелым и менее регулируемым законодательством формам наемной работы.

21. *Nostitz*, *Das Aufsteigen der arbeitenden Classen in England*, Iena, 1900, стр. 6

22. *Statesman's Yearbook*, 1905, стр. 19-20.

23. *Sombart*, *Der modern Kapitalismus*, II, стр. 178

24. *E.Levasseur*, *La population Francaise*. Tome II. Paris, 1891, стр.343-354.. См., вообще всю XVII главу этого тома (*Les populations urbaines*). Общие цифры об отношении между городским и сельским населением Франции даны в I томе, гл.IV, стр.325-330. В обоих томах приведены интересные пояснительные диаграммы, а во втором – также и общие исторические замечания относительно некоторых городов Франции. Подробный очерк развития городов дают *Paul Meuriot*, *Des agglomerations urbaines dans l'Europe contemporaine*. Paris, 1897, и *A.F. Weber*, *The growth of cities in the XIX century*, 1899.

25. *Waentig*, *Die wirtschaftliche Bedeutung der Grossstädte*. Die Grossstadt.Dresden, 1902, 161